НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 372.82

Купарашвили М.Д.[1]

ФОРМАТЫ МЫШЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье предпринята попытка не только проанализировать непростую ситуацию в образовании, но и предложить другое видение теории познания на фундаменте общечеловеческой культуры и наличных систем ценностей.

Ключевые слова: Образование, трансценденция, формы мышления, форматы мышления, системы ценностей и логика.

Kuparashvili M.G.

FORMATS OF THINKING AND THE PROBLEMS OF EDUCATION

Abstract. The article attempts to analyze not only the difficult situation in education, but also offer a different vision of cognitive theory on the foundation of human culture and existing systems of values.

Keywords: the theory of knowledge, education, transcendence, forms of thinking, the formats of thinking, system of values and logic.

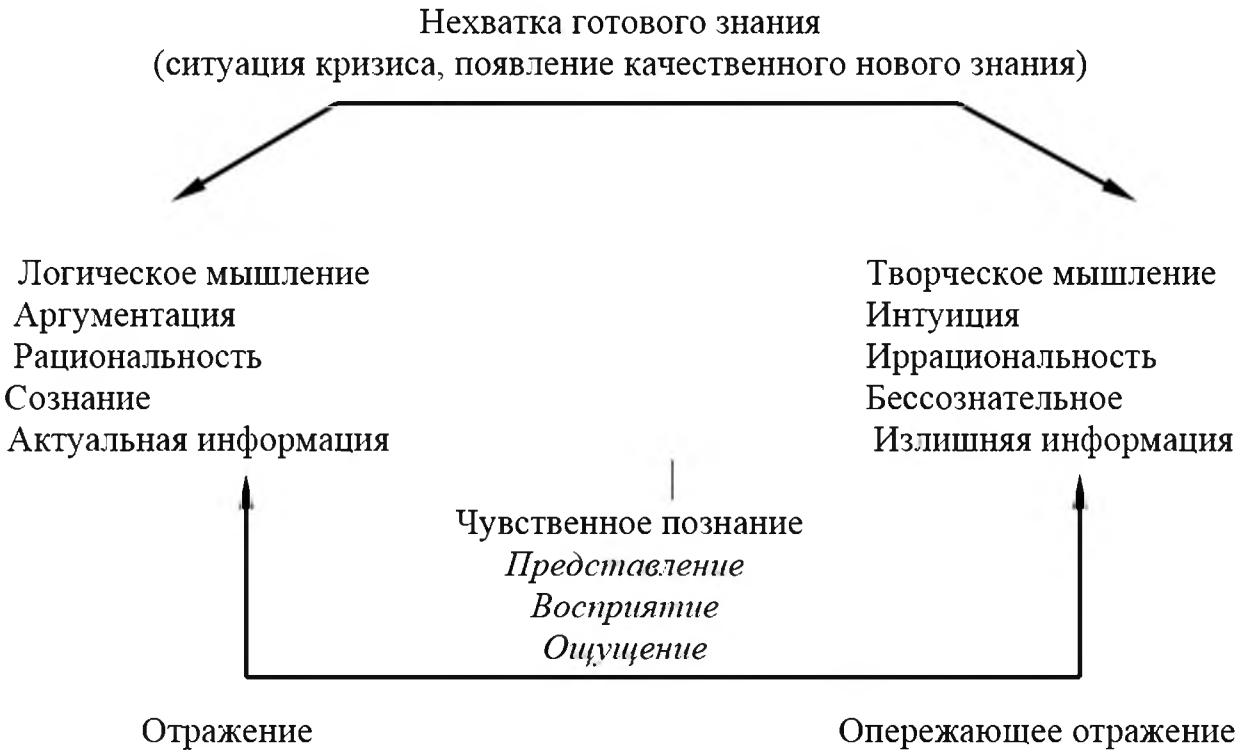
Всем известно, что образование как школьное, так и вузовское не в лучшем состоянии. Бессмысленные и бесконечные реорганизации – результат или непонимания задач, или умышленная дезорганизация работы. Если исходить из объективной ситуации, по всему видно, что прежний способ образования уже не вернуть, а поиски нового слишком больно бьют тех, кому выпало жить сегодня. Отсутствие ясного видения задач образования предваряется существующими установками действующей теории познания, которая безнадежно устарела. Настоящая статья предлагает некоторые соображения автора по реорганизации представлений о теории познания.

В качестве несущих конструктов (структур) предлагаются: т*рансценденция, формы мышления, форматы мышления, системы ценностей и логика.* Основная задача образования, которая принимается по умолчанию и нередко не распознается педагогом – это научить думать. При этом навык размышления должен быть не спонтанно-интуитивным, а целенаправленно-осознанным. Навык размышления неизбежно связан со способностью *трансцендирования*. Только это позволит воспитать субъекта культурной действительности. Сущность и смысл человека в трансценденции.

Трансценденция является способом осознания не только окружающего мира и «запредельного» как такового, но и средством постижения внутреннего мира человека, учит сосредоточению и анализу мышления в акте познания. Навык такой умственной деятельности не может быть выработан в процессе механического заучивания правил и накопления информации по предметам. Нельзя сказать, что этому совсем не учим, но как-то невнятно, попутно, не целенаправленно, поэтому сведения о трансцензусе остаются сопутствующим явлением и для индивида предметом отдельной рефлексии он не становится.

Основная причина кроется в отсутствии анализа и достойного значения проблемы мышления для философии.

[1] *Купарашвили Мзия Джемаловна* д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, e-mail: kuparashvili@rambler.ru, т. (3812) 531-531
Kuparashvili Mzia Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy at Dostoevsky Omsk State University, e-mail: kuparashvili@rambler.ru

Отражение бывает активным и опережающим. Опережающая («излишняя») информация присуща любой живой организации. Дж. Эделмен это объяснял приспособлением организма к окружающему миру, который постоянно меняется как в рамках времен года, так и, в общем: с точки зрения изменения климата, экологии, технического состояния, уровня развития науки и т.д. На уровне любой живой системы существует способ создания определенных форм самосохранения и приспособляемости, который обеспечивает жизнеспособность данного вида. В живой природе отражение всегда опережающее. Только в упреждении его смысл (см. П.К. Анохин, Р.И. Кругликов). С усложнением живой системы усложняются и формы упреждающего отражения. С появлением мозга оно усиливается, а с появлением человеческого мозга оно превращается в источник творческой деятельности.

Так, «излишняя» информация является обязательным условием для естественного функционирования живого мира, наряду с такими основными параметрами сохранения вида, как эволюция и иммунологические системы. В *эволюции* избыточность создается путем мутации и изменения генов, а в *иммунологических системах* образованием ассортимента антител. На уровне *нервной системы* такая избыточность обеспечивается созданием скопления разных нейроновых групп – с определенными функциями [1].

Далее, чувственные формы познания/реагирования, которые протекают как подконтрольно, так и неподконтрольно сознанию, указывают на специфику обработки и получения информации, что, в свою очередь, фундирует осознанную и неосознанную формы мышления. Они осознаются в качестве рациональных и иррациональных доводов, что определяет доказательность или интуитивность базы познания и, в конечном счете, оформляются в виде логического и творческого мышления.

Это то, что объединяет нас всех. Наша индивидуальность здесь представлена минимально. Она (индивидуальность) начинается после того, как указанные формы готовы. Формирование личностных качеств сопряжено с «упаковкой», унификацией, или «форматированием» приведенных способов освоения мира. Уровень унификации зависит от конкретного индивида, его амбиции и жажды знания. Таким образом, необходимо распознавать, не только виды, формы и способы познания, но и специфику их форматирования.

Формат – это целостное измерение конкретного интеллектуального состояния человека. Понятие формата не замещает и не уточняет известные формы, виды и модусы познания, а фиксирует некоторое единство процесса познания как вида конкретной соотнесенности всех форм познания. В отличие от форм и видов познания, формат не является характеристикой собственно познавательного процесса, а представляет собой осуществление, функционирование определенного интеллектуального состояния в качестве некоторой данности (индивидуальной или эпохальной). Так, наряду с известными формами и способами познания целесообразно выделить три формата мышления, что позволит вернуть категорию мышления в теорию познания. Гносеологический объект может быть освоен и проанализирован в любом из трех форматов: ума, рассудка и разума. Каждый из них является демонстрацией трансцендентной сущности человека. Подобная последовательная организация мысли поможет: разграничить уровни отражения бытия вещи, уточнит область ее рассмотрения и интереса, защитит знание от схоластики, раскроет принципиальную трансцендентность мысли.

Каждый формат обладает исключительными, абсолютно необходимыми чертами и является последовательным этапом поступательного усложнения возможности мышления, что обеспечивает единый взгляд на мыслительные процессы, учитывая, как осознанные, так и неосознанные формы познания.

Формат ума – (обыденная интуиция, примитивный разум) обеспечивает человеку *поле зрения ума*. Возникает на основе чувственных форм освоения мира и формирует область чувственного познания, включающую в себя потенцию всех осознанных и неосознанных форм мышления. Способом существования формата является здравый смысл или предметная (естественная) «логика». Это способ бездоказательного убеждения. В этом формате разумность человека содержит в себе свою противоположность – безусловное. Исключительной особенностью формата ума является апелляция к конкретным вещам, единичным предметам и ориентация на предметные связи. Стадия доминирования формата ума характеризуется спонтанностью, хаотичностью, алогичностью, синкретичностью, образной картиной мира. На этой стадии логики либо нет, либо она мифопоэтическая, диалектика конкретно-предметная (спонтанная).

Формат рассудка (способность суждения) приносит человеку *знание* в строгом смысле этого слова. Путем целенаправленной и сознательной обработки чувственных данных человек обретает специфику своей сущности – «осознанное познание». Способом существования формата является формальная логика. Простые слова и имена получают статус понятий, категорий и универсалий. Они сами становятся предметом познания, образуют всеобщие формы мышления (понятие, суждение, умозаключение), которые делают возможным освоение мира с помощью категориальных аппаратов. Именно поэтому связи, устанавливаемые между предметами, оказываются формальными, а универсальным способом функционирования мысли – формальная логика, что составляет и силу, и слабость рассудочного формата. Логика организует, упорядочивает, но она же ограничивает, узаконивает и запрещает.

Так, логическая обработка материала и придание ей строго структурированного вида определяет сущность рассудка. Его абстракции, в силу их обособленности, могут игнорировать пестроту конкретности и полностью сосредоточиться на внешнем виде, всеобщих формах мысли и связях между ними. Таким образом, рассудочный формат абсолютизирует языковые выражения и в этом виде становится единственным способом адекватного отражения мыслительной активности человека. Отсюда логика мышления оказывается не содержательной, а формальной. Однако в рамках этого формата возникают и получают смысловую нагрузку и такие формы понятий, суждений, умозаключений, которые в рамки работающего метода не помещаются. Рассудок дает им имена, а использовать не может, они ему не нужны в рамках собственного формата.

Не умещающиеся формы понятий по своему содержанию относятся к области не вполне осознанного (неосознанного) мышления, которое вслед за развитием рассудка (и только благодаря его развитию) выходит из примитивных форм и не только получает автономное сущест-

вование в собственных видах (подсознательном, надсознательном, пралогическом), но и имеет рычаги воздействия на рассудок (на сознание).

Формат разума (рассудочный разум, мистическое) приобщает человека к Единому, приводит его *к мудрости и состоянию духовно-интеллектуального равновесия.* Он обрабатывает как чувственные данные, так и результаты рассудочной деятельности, что является гарантом единства воспринимаемого мира и собственного существования, той целостности, какая только доступна человеку. Способом осуществления данного формата выступает трансцендентальная диалектика как собственная логика разума.

В этом формате человек-разумный выглядит как мистический человек. Однако мистика здесь не является синонимом таинственного и непонятного. Как указывал Гегель, принципом рассудка является тождество, а принципом мистического мышления выступает конкретное единство тех определений, которые рассудок признает истинными только в их разделенности. Поэтому Гегель утверждает, что мистическое является таинственным только для рассудка, но не для разума.

Собственный категориальный аппарат разума представляет собой совокупность трансценденталий, обеспечивающая создание непротиворечивых систем мировоззрения, выступающая гарантом органического единства сущего и сущностей и, имеющая характер принципиально открытого (незавершенного) типа познания. Здесь нет узаконенных границ и запретов. Они принимаются только условно, исходя из целесообразности познаваемого предмета.

Таким образом, трансценденция обеспечивает человека способами действительного интеллектуального роста, апеллирует к индивидуальной сущности и значительно способствует формированию морального фундамента личности в силу учета его целеполагания. Самым естественным способом приобщения человека к трансцендентальным способностям является его погружение в культурное пространство. В широком смысле содержание культуры совпадает с теми системами ценностей, которыми располагает человечества. Это – эстетическая, религиозная, этическая и научная системы. Их основные критерии оценки предопределяют «единицу» измерения и ценность любого предмета и явления. Именно эти критерии передают полноту человеческой деятельности, его бытия, его прошлого, настоящего и будущего. Указанные системы – не взаимозаменяемы, они – взаимодополняемы, что требует осознанного и целенаправленного трансцензуса из одной системы в другую.

Образование, построенное на жестком примате только одной системы ценностей, обречено на формирование неполноценной личности, которая не способна на трансцендирование, что в обыденной жизни предстает в виде ограниченности, индифферентности, бездумной беспечности, равнодушия, отсутствия способности сочувствовать и сопереживать.

Исторически можно обосновать, что каждая эпоха организуется одной из четырех систем ценностей, которая вовлекает все остальные системы по мере собственной целесообразности. Категориальный аппарат, в котором осуществляется познание мира, укомплектован терминами одной из систем ценностей, а понятия и термины из других систем ценностей скорее носят вспомогательный характер.

Для *античной культуры* доминантной системой ценностей выступает эстетическая система. Это очевидно из того факта, что слова, термины, с помощью которых происходит освоение мира и определяют общую направленность мысли, принадлежат эстетике, для которой важна полнота отражения бытия и непременно предполагает чувственность (логос, космос, единое, идея, материя, форма, трагическое, красота, гармония и т. д.). Выражение сущности античной эстетической парадигмы звучит в таких метаположениях, как «Космос – это прекрасное», «Весь мир есть гармония и число», «Дай бог, чтобы в здоровом теле был здоровый дух» и т. д. Этот же факт подтверждается общим отношением к понятию прекрасного, созданием эталонов симметрии человеческого тела (скульптура Поликлета: «Дорифор»), стремлением к гармонизации внешней и внутренней красоты человека.

В период *средневековья* доминировала система религиозных догм. Она концентрирует поз-

навательный интерес на смысле и целесообразности бытия. Упор делается на постижение высшей закономерности существования мира. На это указывает популярность и легитимность таких понятий как Бог, Свет, Слово, Откровение, Дух, Истина, чудо, Творец, Троица, молитва и т. д., которые выражают приоритетные мысли своей эпохи: «Вероятно, ибо абсурдно» (Тертуллиан), «Бог лучше познается через неведение», «Верю, чтобы понимать» (Августин), «Неведение Бога есть истинная мудрость» (Псевдо-Дионисий), «Верую, дабы уразуметь» (А. Кентерберийский) и т. д.

Научная система ценностей, господствующая с *Нового времени* и практически до наших дней, предлагает в качестве основной сферы знания науку. Центром мыслительной конструкции вселенной становится сам человек и его сознание. Пространство и время становятся слишком человеческими, и их материальное деление абсолютизирует эмпирическое познание. Образованные в это время принципы восприятия мира сохраняют свою силу и сегодня: «Ничто не существует без сомнения» (Лейбниц); «Знание – сила» (Бэкон); «Что не есть тело, есть *ничто* и, следовательно, нигде не существует» (Гоббс); «Все, что недоступно чувствам, недоступно и уму» (Гельвеций); «Cogito ergo sum» (Декарт); все существует благодаря своему достаточному основанию (Лейбниц); «Нет ничего в разуме, чего прежде не было бы в чувствах» (Локк); люди должны быть «хозяевами и господами природы» (Декарт).

В *модерне*, хотя стилистика рабочих понятий и метаположений несколько изменяется, суть остается прежней. Приоритет «факта», казалось, только укрепил естественные позиции науки как системы ценностей. «В гарантиях чувства существует нечто окончательное. Чистое наблюдение трудно опровергнуть, так как чувственные данные имеют неотъемлемое сходство с «фактом». …Несмотря на возражения …физическая наука выросла подобно сказочному стеблю Джека, да еще затмила все, что человеческая мысль произвела, соперничая с наукой. …Казалось, что логика и метафизика, эстетика и этика уже отслужили свое» [2]. Метаположения этого времени демонстрируют полное согласие с предшествующими положениями, они просто пересказывают старые истины новыми словами: «Анализ наличного бытия есть анализ сознания» (Ясперс); «Мир делится на факты» (Витгенштейн); «Бог умер» (Ницше); «Истина есть средство и она не одна» (Ницше); «Вся совокупность отдельных фактов является миром» (Витгенштейн); «Мир – это все, чем является случай» (Витгенштейн); «В практике должен доказать человек истинность» (Маркс); «Анатомия – это судьба» (Фрейд).

Этот признак формально позволяет распространить научную систему ценностей и на эпоху *постмодернизма*. Однако содержание метаположений здесь скорее говорит о разрушении прежних метаположений, чем об их преобразовании или создании новых: «Существуют столько языков, сколько желаний» (Р. Барт); «Женщиной не рождаются, женщиной становятся» (С. де Бовуар), «Никогда не сажайте, не сейте, рвите! Будьте не единством, а множественностью!», «Не будите в себе Всеобщее!» (Ж. Делез, Ф. Гваттари), «Ничего не существует вне текста» (Ж. Деррида).

Конец легитимности научной системы возвещает о том, что человечество находится на пороге формирования нового стиля мышления. По логике вещей доминантной должна стать этическая система ценностей, сколько бы повседневность не говорила об обратном. Не хочу казаться изощренным оптимистом, но если указанная закономерность не является надуманной, то будущее обещает не диктатуру закона, а «диктатуру» человечности.

История еще не знает цивилизацию с этической системой во главе. Зато, фактом истории является то, что вырождение каждой эпохи связано с окончательной нивелировкой этических категорий. Это значит, что пока (в начале и во время расцвета) эпоха, так или иначе, сохраняет значимость этических категорий она самоидентифицируется, распознается в своей специфике. А окончательная девальвация этических категорий приводит всю культуру в упадок. Торжество возможной этической парадигмы связано с этикой мышления. Если этика – практическая философия, то она постижима только правильной логикой образа мышления и действия.

Ум, рассудок и разум как способы рефлексии и форматирования знания предполагают собс-

твенные способы активности, от которой зависит «архитектура» как знания, так и действия. Их обособленные и взаимообусловленные формы активности образуют четыре вида логики: логику имманентной диалектики, формальную логику, неформальную логику, или отрицательную диалектику, и трансцендентальную диалектику.

Логика имманентной диалектики – это логика конкретных вещей. Она отражает предметы мира в их естественных и материальных связях, когда сами эти связи, как нечто детерминирующее способность суждения, отдельно не только не рассматриваются, но и не обнаруживаются, не фиксируются. Это обусловливает стихийный характер логических союзов и во многом неосознанное, случайное, ситуативное их применение. Бессистемность и отсутствие целенаправленного метода освоения мира являются основными характеристиками имманентной диалектики.

Она имманентна, так как полностью продиктована имманентными свойствами предметов в частности и мира в целом. Именно поэтому Аристотель определяет ей место низшей логики и ставит диалектику ниже формальной логики. Ее диалектичность довольно условна, так как она не ведает никаких границ (как и реальная действительность) в силу неорганизованности и неспособности их устанавливать. Кроме того, условный характер диалектики продиктован тем, что она «не знает» противоречия, что является необходимым условием для диалектической логики, и все по той же причине: действительности не присуще противоречие. Зато противоречие является почти постоянным результатом такой диалектики.

Формальная логика является методом эмпирических наук и обеспечивает структурность, строгость и отрефлексированный характер любого знания, смысла которые помещаются в формат рассудка. В ее характеристики входят как иерархизация, субординация и структурирование, так и расчленение, изолирование и ограничение. Основой формальной логики и тем самым тех наук, которые базируются на ней, является закон противоречия. Система является работающей и результативной, если она внутренне непротиворечива и не наталкивается на противоположные ей системы вне себя. Обнаружение противоречия любого порядка рассматривается как ошибка или заблуждение, которое необходимо устранить даже путем удаления неудобной информации из легитимной сферы знания.

Неформальная логика, или отрицательная диалектика – переходный этап от формальной логики к трансцендентальной диалектике. Это – диалектика цельных структур, конечных предметов и ограниченных явлений. Неформальность обусловливает та категориальная сетка, которая завершает сферу применения законов формальной логики. Дальнейшее ее (формальной логики) применение по инерции демонстрирует невозможность формального применения законов мышления, так как ее действия полностью саморазрушительны. Отрицательный характер она приобретает в силу только отрицательных результатов при незаконном расширении рассудка.

Достигая своих конечных выражений, категории рассудка одновременно и остаются его категориями, и нет. Он не может совершить с ними никаких операций без колоссальных потерь для себя. Ни больше, ни меньше в этой роли буриданового осла рассудок полностью перечеркивает (аннулирует) себя. Результат такой его активности настолько молниеносный и сильный, что рассудок не успевает предложить что-то взамен себя, что в то же время сохранило бы и его структурную значимость. Отсюда отрицательный характер результатов спонтанного применения диалектики и скептическое отношение к познавательным способностям человека.

Логика трансцендентальной диалектики – логика Единого, мысли, идеала и целокупностей. Она – диалектика в собственном смысле, в ее положительном значении. Ее смысл только в трансценденции, она всегда трансцендентальна. Сфера ее применения – разум. Как разум является высшей инстанцией обработки материала (Кант), так и трансцендентальная диалектика представляет собой сверхсистему, так как больше всякой системы, любая система является ее идеальной частью. И. Кант выходит на проблему диалектики именно потому, что предмет его философии – познавательный процесс и его высшее проявление – разум, а сущность разума трансцендентальна.

В гегелевской философии положительная диалектика только-только обретает себя, но в связи со спецификой философии Гегеля, (ее связи с Абсолютной идеей) была сакрализована и потому так и не стала способом осознанного, отрефлексированного применения в ее абсолютном выражении. Ее суть, которая относилась только к мыслительной способности, персонифицировала Абсолютная идея. В этом направлении диалектика почти не нашла возможного продолжения, а там, где такое продолжение имело место, содержание диалектики либо вовсе изменялось, либо она возвращалась к прежнему, докантовскому состоянию, либо находила плоское, однобокое развитие. Таким образом, диалектика мышления Гегеля, из которого могла родиться полноценная диалектика мыслительной способности человека, превратилась в диалектику либо материальных, либо идеальных вещей.

Категориальный аппарат разума – трансценденталии. Они составляют ту понятийную сетку, которую использует положительная диалектика для высшей рефлексии мышления и обеспечения возможности бесконечного развития. Здесь границ нет, любые ограничения умозрительны и целесообразно продиктованы необходимостью анализа предмета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Эдельмен, Дж. Селекция групп и фазная повторная сигнализация; теория высших функций головного мозга // Эдельмен, Дж., Мауткасл, В. Разумный мозг. М., 1981. С. 74.
2. Лангер, С. Философия в новом ключе. М., 2000. С. 18–19.